

к совершенствованию своего существа. Настоящая «воспитательная поездка», путешествие символизируют для обоих писателей судьбу человека, едва вступившего на жизненный путь.

«Весь приключенческий роман диалектичен: все сосредоточено на конфликте между героем и его врагом» [4]. Добрых, таких, как Гарвей, Давенант, Друд, Тави, преследуют злые. Начинается борьба против зла. В «Золотой цепи» идет речь о том, чтобы освободить Молли и разоблачить тех, кто хочет захватить сокровище Ганувера; в «Дороге никуда» — о том, чтобы помочь бегству Давенанта, спасти его от преследований сына гувернера, — интриги таинственные и романтические. Санди узнает чужие тайны, подслушивая у дверей, и лишь постепенно понимает смысл событий. Гарвей, посаженный на «Бегущую по волнам», оказывается перед загадкой, которую старается разрешить. У Грина мы находим традиционную схему неожиданных событий: побеги, похищения, морские сражения между контрабандистами и таможенниками. В «Острове сокровищ» добрые попадают в западню, устроенную злыми (они завербовали экипаж, состоящий из пиратов, и приняли на службу их главаря в качестве повара). Спрятанный за бочкой с яблоками, Джим узнает тайну — классическая ситуация приключенческого романа, затем убегает. Следуют сражения на земле и на море, поимка Джима пиратами и конечное столкновение двух лагерей. Диалогические сцены очень важны у Грина. Едва ли ни каждый сюжетно значительный эпизод подготовлен соответствующим разговором.

Авторы приключенческих романов нередко используют классические повествовательные приемы предвосхищения и возвращения действия назад. Так, после описания прогулки Ассоль, ее послеобеденного отдыха, ее восторга, когда она при своем пробуждении, обнаруживает кольцо на пальце, Грин возвращается назад и очень поэтично рассказывает о том, как Грэй увидел уснувшую Ассоль.

Искусство Грина принято сравнивать с искусством Эдгара По, которого Грин читал с увлечением. Ф. М. Достоевский хорошо показал в своем предисловии к публикации трех рассказов Эдгара По, что сила воображения американского писателя проявляется в искусстве придавать правдоподобный характер необыкновенным событиям [5]. Это определение применимо и к Грину. В некоторых рассказах Грин, как и По, ввергает своих персонажей в аномальные психологические состояния (галлюцинации, наваждения, мания величия). Страна, которую посещает герой «Крысолова», — пустые залы центрального банка, длинные коридоры, холлы, украшенные черными колоннами, — это страна души. Точно увлекаемый в бездну моря, он приближается к пропасти, как Вильям Вильсон из «Тени (Shadow)», встречает образы прошлого. И Грин, и По описывают события, которые происходят в недрах человеческой души. Их мир находится на грани реального и нереального.

Это не значит, что перед нами произведение фантастического жанра. Обилие реалистических подробностей свидетельствует о желании обоих писателей придать правдоподобие создаваемому ими художественному миру. Мир Э. По характеризуется присутствием лабиринтов, озер, загадочных имений, пропастей. Что касается мира Грина, то он имеет, как писатель любил это подчеркивать [6], свою специфичность. Речь идет о создании знаменитой «Гринландии» — особой художественной реальности, где анахронические элементы (парусники, постоянные дворы, взятые из романов Купера) соседствуют с современными реалиями (телефон, миноносцы, ролс-ройсы). В период своей зрелости Грин отдалился от своего учителя. У Э. По мы находимся в «странном», у Грина — в «удивительном».

В этом существенное отличие Грина от Купера, Конрада и Стивенсона. Купер внедряет морское приключение в реальные события. Он превосходно передает прошедшую эпоху в истории Соединенных Штатов. Что касается Конрада, то его романтический мир строится главным